

дова, этого холодного чловѣка, ничего не любящаго, сантиментальнаго и самодовольно-слѣпнаго.

Когда дядя Ерощка, жившій въ сильныхъ страстяхъ Толстого и создавшій изумительнѣйшій расцвѣтъ творческихъ силъ въ Толстомъ, съ ужасомъ почувствовалъ преходящестъ всего земнаго и тщету всего только природнаго и въ паническомъ, почти животномъ страхѣ передъ неизбѣжной смертью бросился искать выхода,—Толстой вплотную подошелъ къ Церкви, и одинъ волосъ отдѣлялъ его отъ спасенія, отъ благодатнаго претворенія дяди Ерощки во что-то невидимо-прекрасное. Одинъ волосъ только! Но тутъ-то и свершилась нѣмая трагедія. Дядя Ерощка обернулся звѣринымъ своимъ существомъ, заупрямился, загордился, застылъ въ своей нераскаянности, и великая возможность погасла на многіе годы. Дмитрій Нехлюдовъ, съ юности жившій въ Толстомъ, вдругъ сталъ шириться и занимать мѣсто Ерощки. Мелкій разсудокъ его и любовь къ „добродѣтели“ съ готовностью оправдали Ерощкину гордость высшими, самыми европейскими соображеніями о неразумности Церкви, и началась послѣдняя пора жизни Толстого. Старый Ерощка, такой же геніальный и прозорливый, какъ прежде, и такой же лукавый, затихъ въ страстяхъ своихъ и, пользуясь всѣми благами жизни, окруженный дорогой простотой и незамѣтной роскошью (завтракъ заново готовился до четырехъ и пяти разъ, чтобы къ выходу Льва Николаевича изъ рабочаго кабинета всегда былъ горячъ и свѣжъ), жилъ въ полномъ довольствѣ, а въ это время князь Нехлюдовъ развилъ обширную писательскую дѣятельность, направляя всѣ удары въ угоду Ерощки на невидимый камень, о который ушибся Ерощка, — Церковь. Двѣнадцать томовъ геніальнаго творчества дяди Ерощки были объявлены княземъ Дмитріемъ „художественной болтовней“, и князь отъ себя написалъ еще восемь томовъ, изрѣдка пользуясь даромъ Ерощки въ своихъ нехлюдовскихъ цѣляхъ, изрѣдка позволяя дядѣ Ерощкѣ по-старому сверкнуть геніальностью.

Такъ прожилъ Толстой болѣе тридцати лѣтъ, и когда всѣмъ казалось, что Ерощка давно уже угасъ и затихъ, что Толстой и Нехлюдовъ—одно, когда Церковь была сто разъ „разрушена“ и кощунственно оклеветана Нехлюдовымъ, вдругъ неожиданно, съ силой, заставившей радостно встрепенуться всѣхъ любящихъ Толстого, проснулся въ Толстомъ дядя Ерощка. Несмотря на увѣре-